

A black and white close-up portrait of Paulo Coelho. He has short, light-colored hair, a goatee, and is looking directly at the camera with a slight smile. He is wearing a dark t-shirt. The background is a blurred natural setting.

ПАУЛО КОЭЛЬО

Подобно реке...

В этой книге Пауло Коэльо собрал все свои рассказы, ранее публиковавшиеся в различных газетах и журналах. Написаны они были в разные периоды его жизни, источником стали события, происходившие в жизни автора, и истории, рассказанными другими людьми.

На протяжении всей книги прослеживается единая мысль, которую автор хотел донести до читателя: «Наблюдайте за течением своей жизни с такой же безмятежностью, как если бы вы наблюдали за течением реки». Пауло Коэльо в своих небольших рассказах раскрывает читателю глубинные аспекты нашей повседневной жизни, и призывает нас учиться даже на мелочах, которые, на первый взгляд, кажутся не важными.

Перевод с португальского: А. Н. Родина

Пауло Коэльо

ПОДОБНО РЕКЕ...

*Быть подобным реке,
Что течет в тишине среди ночи,
Не страшась потеряться во мраке,
Отражая сияние звезд на безоблачном небе;
А когда небеса тяжелеют от туч,
Как река: ибо тучи ведь тоже вода, —
Отражая и их беспечно
В покойных глубинах своих.*

Мануэль Бандейра

Предисловие

Мне было пятнадцать лет, когда я объявил матери:

— Я открыл свое призвание. Я хочу быть писателем.

— Сынок, — ответила она с грустью, — твой отец — инженер, человек благоразумный, рассудительный и трезвомыслящий. А кто такой писатель?

— Тот, кто пишет книги.

— Твой дядюшка Арольдо — врач, но он тоже пишет книги и кое-какие напечатал. Так что выучись и ты на инженера, а потом пиши себе, когда выдастся свободная минута.

— Нет, мама, я хочу быть только писателем, а не инженером, пишущим книги.

— Но ты знаешь хоть одного писателя? Ты видел когда-нибудь живого писателя?

— Никогда. Только на фотографиях.

— Как же ты собираешься стать тем, о ком толком ничего не знаешь?

Чтобы смочь ответить матери, мне пришлось провести небольшое исследование. И вот к каким выводам я пришел относительно того, что значило быть писателем в начале семидесятых.

А. Писатель всегда носит очки и ходит непричесанный. Половину жизни он зол на весь свет, а другую половину пребывает в депрессии. Время проводит в забегаловках, в спорах с другими писателями, тоже в очках и такими же растрепанными. Изъясняется туманно. Всегда полон фантастических замыслов по поводу нового романа и ненавидит тот, который уже опубликован.

Б. Долг и обязанность писателя — оставаться непонятым современниками, иначе его никогда не признают гением. Писатель убежден, что он родился в эпоху, когда миром правит посредственность. Писатель по многу раз переписывает и правит каждое предложение. Словарный запас простого смертного насчитывает три тысячи слов; настоящий писатель никогда их не употребляет: в словаре имеется еще сто восемьдесят девять тысяч слов, предназначенных для таких особенных людей, как он.

В. Понять писателя способен только другой писатель. Несмотря на это, писатель втайне ненавидит всех остальных писателей: ведь они претендуют на те же вакансии, которые история литературы выделяет на века. В конце концов, все писатели борются за один и тот же трофей, стараясь написать книгу настолько непонятную, что ее признают лучшей.

Г. Писатель разбирается в темах, названия которых звучат устрашающе: семиотика, эпистемология, неоконкретизм. Когда он хочет кого-нибудь шокировать, то произносит сентенции типа: «Эйнштейн — дурак» или «Толстой — буржуазный паяц». Вначале это возмущает присутствующих, но потом они сами начинают повторять другим, что теория вероятности неверна, а Толстой защищал интересы русской аристократии.

Д. Чтобы соблазнить женщину, писатель говорит ей: «Я писатель» — и записывает стишок на бумажной салфетке. Срабатывает безотказно.

Е. Благодаря широкой эрудиции писатель всегда способен подрабатывать литературной критикой. Вот когда он может продемонстрировать благородство, расхваливая книги своих друзей! Его критические статьи состоят наполовину из цитат иностранных авторов, наполовину из разбора фраз с использованием терминологии вроде «эпистемологический срез» или «интегральное видение под соответствующим углом зрения». Тот, кто в состоянии читать критику, восхищается: «До чего ж культовый автор!» И не покупает книгу — из опасения обнаружить в ней «эпистемологический срез».

Ж. Когда писателя спрашивают, что он в настоящее время читает, тот всегда называет книгу, о которой до этого никто не слышал.

3. Существует единственная книга, которой восхищаются все без исключения писатели: «Улисс» Джеймса Джойса. Ни один писатель никогда не обмолвится плохо об этой книге, но, когда ему задают вопрос, касающийся ее содержания, он изъясняется настолько невнятно, что закрадывается сомнение, читал ли он ее вообще. Какая нелепость, что никто не переиздает «Улисса» — роман, признаваемый шедевром всеми писателями! Похоже, издатели настолько глупы, что упускают шанс заработать большие деньги на книге, которую все читали и все полюбили.

Вооружившись этими знаниями, я вернулся к матери и изложил ей подробно, кто такой писатель. Она слегка удивилась.

— Проще быть инженером, — сказала она. — К тому же ты не носишь очков.

Но мои волосы уже были взлохмачены, в кармане лежала пачка «Галуаз», а под мышкой я держал рукопись пьесы «Предел прочности», написанной для театра (впоследствии один критик назвал спектакль по ней, к моему удовольствию, «самым безумным спектаклем» из всех, что он когда-либо видел). Я стал штудировать Гегеля и твердо решил прочитать «Улисса». И лишь благодаря одному рок-музыканту, однажды обратившемуся ко мне с просьбой написать слова к его музыке, я свернул с пути поиска бессмертия и вернулся в окружение обычных людей.

В результате я смог повидать мир, сменив больше стран, чем пар обуви (как говорил Бертольт Брехт). На страницах этой книги собраны рассказы о событиях, пережитых мною, истории, которые я слышал от других, а также раздумья, посещавшие меня на разных участках течения реки моей жизни.

Ранее опубликованные в разных газетах, по просьбам читателей они собраны теперь в одной книге.

Автор

День на мельнице

Три состояния образуют симфонию моей теперешней жизни: «много людей», «отдельные встречи» и «почти никого». На каждое из них приходится около четырех месяцев в году; зачастую одно вклинивается в другое на протяжении месяца, но никогда они не смешиваются между собой.

«Много людей» — это когда я встречаюсь с читателями, издателями, журналистами. «Отдельные встречи» бывают во время моих наездов в Бразилию: там я вижу со старыми друзьями, иногда прогуливаюсь вдоль Копакабаны, участвую в общественных акциях, но в основном сижу дома.

Сейчас, однако, я собираюсь поразглагольствовать о третьем состоянии — состоянии «почти никого». Только что ночь опустилась на селение в Пиренеях, где всего двести жителей и чье название я предпочитаю не разглашать. Здесь я недавно купил старую мельницу, приспособив ее под свое жилище. Утром я просыпаюсь под крик петуха, выпиваю кофе и выхожу прогуляться по пастбищам, среди коров и ягнят, вдоль кукурузных плантаций и засеянных травами полей. Любуюсь горами и — в отличие от состояния «много людей» — никогда не задумываюсь над тем, кто я такой. У меня нет ни вопросов, ни ответов, я живу только настоящим, помня, что год состоит из весны, лета, осени и зимы (для кого-то, может, и банальность, но как часто мы об этом забываем!), и преображаюсь под воздействием окружающего ландшафта.

В эти минуты меня не интересует, что происходит в Ираке или в Афганистане: как и для любого обитателя глубинки, самое важное для меня — прогноз погоды. Жители небольших городов знают: информация о том, когда пойдет дождь, похолодает или станет ветрено, имеет непосредственное отношение к их жизни, к их планам, это то, что влияет на урожай. Я вижу крестьянина, обрабатывающего свое поле; мы желаем друг другу доброго утра, беседуем о погоде, после чего возвращаемся каждый к своему занятию: он — пахать, а я — продолжать свою прогулку.

Вернувшись домой, заглядываю в почтовый ящик: там уже лежит местная газета. В ней объявления о танцах в соседнем поселке и о публичной лекции в одном из кафе Тарбеса (это большой город — сорок тысяч жителей), сообщение о ночном выезде пожарных на кем-то подожженную мусорную свалку. Новость, взбудоражившая всю окрестность: выявили группу злоумышленников, спиливших платаны вдоль проселочной дороги, на которой перед этим разбился насмерть мотоциклист, врезавшись в одно из деревьев. Эта новость заслуживает полосы и целого цикла репортажей о «секретной команде», которая мстит деревьям за смерть юноши.

Ложусь неподалеку от ручья, протекающего через мои владения, и гляжу в небо, на котором нет ни облачка: в это ужасное лето только во Франции умерло от зноя пять тысяч человек. Встаю, чтобы заняться *кьюдо* — медитацией с луком и стрелой, на которую я трачу больше часа. Наступает время обеда. Готовлю легкую трапезу и тут замечаю в одной из пристроек к старой мельнице некий несуразный предмет, с экраном и клавиатурой, подключенный — о чудо из чудес! — к сверхскоростной линии, известной под названием DSL. Я знаю, что, как только нажму клавишу этой машины, весь мир устремится мне навстречу.

Сопровивляюсь сколько хватает сил, но вот момент наступает, мой палец касается кнопки — и я уже снова подключен к миру: колонки бразильских газет, книги, интервью, которые надо дать, новости из Ирака, Афганистана, просьбы, сообщение о том, что заказанный авиабилет будет доставлен завтра, решения, которые можно отложить на потом и которые надо принимать

не откладывая.

За этой работой проходят часы и часы, потому что это то, что я сам для себя избрал, потому что это та легенда, которую я сам для себя придумал: Воин Света знает о своем долге и о своей ответственности. Но в состоянии «почти никого» все, что возникает на экране компьютера, кажется очень далеким — также, как мельница представляется сном в состояниях «много людей» или «отдельные встречи».

Солнце садится, кнопка выключена, и мир снова становится лугом, наполняется запахом трав, мычанием коров, восклицаниями пастуха, загоняющего овец в стойло неподалеку от мельницы.

Задаюсь вопросом: как можно совместить два таких разных мира в пределах одного дня? И не нахожу ответа, но знаю, что это доставляет мне огромное удовольствие. И когда я пишу эти строчки, я очень доволен.

Тот, кто верил своим снам

Я появился на свет в лечебнице святого Иосифа в Рио-де-Жанейро. Родился совсем слабым, и мать попросила заступничества святого, надеясь, что он поможет мне выжить. Так возникла прочная связь на всю жизнь между мной и святым Иосифом, и с 1987 года, то есть после моего паломничества в Сантьяго-де-Кампостелу, я всегда отмечаю день этого святого, 19 марта, как свой праздник. Приглашаю друзей — людей трудолюбивых и честных, и перед ужином мы вместе молимся за всех, кто стремится достойно нести свой крест. Молимся и за тех, кто остался без работы и потерял надежду найти ее.

В небольшом вступлении перед молитвой я обычно обращаю внимание на то, что из пяти случаев упоминания слова «сон» в Новом Завете четыре имеют отношение к Иосифу-плотнику и в каждом из снов ангел убеждает его совершить обратное тому, к чему он был расположен.

Ангел просит, чтобы он не оставлял свою жену, когда она забеременела. Вместо того чтобы ответить: «А что подумают соседи?» — Иосиф возвращается домой, поверив услышанному.

Ангел отсылает его в Египет, и он не говорит в ответ: «Но ведь мне хорошо здесь, я плотник, у меня много клиентов. Как же мне все это бросить?» Наоборот, Иосиф собирает пожитки и отправляется в неизвестность.

Ангел просит, чтобы он вернулся из Египта. Иосиф и на этот раз мог бы подумать: «Опять все бросить, когда я только-только начал приживаться на новом месте? Как-никак у меня семья!»

Но, вопреки здравому смыслу, Иосиф верит своим снам. Он помнит о долге — том долге, который призваны исполнять почти все мужчины на этой планете: защищать и содержать семью. Как и миллионы других безымянных Иосифов, он старается следовать этому своему предназначению, причем даже если вынужден совершать поступки, смысл которых ему совсем непонятен.

Со временем его жена и один из сыновей станут великими символами христианства, в то время как он сам, труженик, третья опора семьи, будет поминаться только во время рождественских представлений да еще теми, кто почитает его особо, как, например, ваш покорный слуга или, скажем, Леонардо Бофф, автор книги о плотнике, для которой я написал предисловие.

Приведу отрывок из Карлоса Эйтора Кони (надеюсь, что этот текст, найденный мной в Интернете, действительно написан им): «Меня часто порицают за то, что, объявляя себя агностиком, не принимая идеи Бога ни в философии, ни в этике, ни в религии, я почитаю некоторых святых из нашего церковного календаря. Бог — это понятие или инстанция, постичь которую значительно выше моих возможностей и даже моих потребностей.

Иное дело святые: такие же земные, вылепленные из той же глины, что и я, они вполне заслуживают моего восхищения. Более того, они заслуживают моего преклонения.

Святой Иосиф — один из них. В Евангелиях не зафиксировано ни единого сказанного им слова — только жесты да еще характеристика: «*vir Justus*», то есть муж праведный. Поскольку речь идет о плотнике, а не о судье, это значит, что Иосиф прежде всего был хорошим человеком. Хорошим плотником, хорошим мужем, хорошим отцом мальчишке, которому предстояло переломить всю историю человечества».

Замечательные слова Карлоса Кони! Но не раз мне попадались на глаза и нелепицы вроде того, что «Иисус ходил в Индию набраться мудрости у гималайских учителей». По-моему, каждый человек способен придать священный смысл тому долгу, который он призван исполнить

в своей жизни; Иисус набирался мудрости в то время, когда Иосиф, муж праведный, учил Его делать столы, стулья, кровати.

Мне приятно представлять, будто стол, за которым Христос разделил хлеб и вино, был сделан руками Иосифа — безымянного плотника, трудившегося в поте лица. Может быть, именно поэтому чудо совершилось.

Люцифер и добрые дела

Персидский поэт Руми рассказывает, как однажды почивавший в своем дворце Моавия, первый халиф из династии Омайядов, был потревожен неким посторонним субъектом.

— Кто ты такой? — спросил Моавия.

— Я Люцифер, — ответил тот.

— И что тебе от меня нужно?

— Уже время молитвы, а ты все спишь.

Моавия удивился. С чего бы это князю тьмы, всегда стремящемуся заполучить души маловерующих, помогать ему соблюдать правила веры?

Люцифер объяснил:

— Вспомни, что вначале я был ангелом света. И хотя со мной много всего потом приключилось, я никогда не забывал о своем происхождении. Человек может отправиться в Рим или Иерусалим, но в сердце он всегда хранит память о своей родине. То же происходит и со мной. Я все еще люблю Творца, который наставлял меня, когда я был юн, и научил меня делать добро. И восстал я против Него не потому, что не любил Его, — совсем наоборот: я так сильно его любил, что во мне разыгралась ревность, когда он сотворил Адама. В тот момент я воспротивился Господу, что и погубило меня. Несмотря на это, я все еще помню о благодати, которую он ниспосылал на меня, и надеюсь, что, поступая добродетельно, смогу снова вернуться в Рай.

Моавия ответил:

— Не могу поверить в твои слова. Разве не ты разрушил жизни тысяч людей?

— Но ты все-таки поверь мне, — настаивал Люцифер. — Только Бог может создать или уничтожить жизнь, потому что только Господь всемогущ. Это Бог, творя человека, наделил его желаниями, чувством мести, состраданием и страхом. Поэтому, когда ты видишь зло вокруг себя, не спеши винить меня, так как я всего лишь зеркало творимого зла.

Подозревая в этих словах лукавство, Моавия начал исступленно молиться Богу, чтобы Господь укрепил его. Целую ночь он провел в разговорах и спорах с Люцифером, но несмотря на, казалось бы, неотразимые доводы князя тьмы, не дал себя убедить.

Когда начало светать, Люцифер наконец сдался:

— Хорошо, ты прав. Я разбудил тебя на молитву не для того, чтобы приблизить тебя к Божественному Свету. Я знал, что, не исполнив молитву, ты погрузишься в глубокую печаль и в последующие дни станешь молиться с двойным усердием, моля о прощении за нерадивость. В глазах Бога такие молитвы, возносимые с любовью и раскаянием, значат больше, чем двести молитв, произнесенных машинально и без сердечного чувства. Так что в итоге ты сделался бы более чист перед Богом и полон одухотворенности, Бог любил бы тебя больше, и твоя душа оказалась бы менее доступной для меня.

Люцифер исчез, и сразу вошел ангел света.

— Моавия, никогда не забывай о сегодняшнем приключении, — произнес он. — Порой зло облачается в личину добра, чтобы скрыть свое истинное намерение: ввести в еще больший грех.

И в тот, и в последующие дни Моавия молился с раскаянием, состраданием и верой. Его молитвы тысячу раз были услышаны Богом.

Готов к сражению, но испытываю сомнения

На мне странная униформа из плотной ткани с уймой «молний». На руках перчатки, чтобы не поранить руки.

Таскаю с собой нечто вроде копья длиной с мой рост. На одном его конце — металлический наконечник в виде трезубца, на другом — заточенное острие.

А перед моими глазами — мой сад, где я в следующую минуту собираюсь развернуть наступление.

При помощи предмета, который держу в руке, я буду удалять сорняки, выросшие на газоне. У меня уже есть опыт, и я знаю, что вырванное растение засыхает не позже чем через два дня.

Но вдруг у меня возникает сомнение: правильно ли и поступаю?

То, что я называю «сорняком», в действительности является неким видом растения, изо всех сил старающегося выжить. Это растение на протяжении миллионов лет создавалось и культивировалось природой. Цветок был оплодотворен бесчисленными насекомыми, превратился в семена, ветер разнес их по окрестным лугам, и благодаря тому, что растение было посеяно не в одном, а сразу во многих местах, его шансы выжить следующей весной оказались намного выше. Если бы все семена рассеялись рядом, растения могли быть сразу уничтожены травоядными животными, наводнением, пожаром, засухой.

Но сейчас все его усилия выжить могут быть разрушены наконечником какого-то копья, беспощадно раздирающим почву.

Зачем я это делаю?

Кто-то разбил сад. Я не знаю, что это был за человек, потому что, когда я покупал дом, сад уже был такой, как сейчас, прекрасно гармонируя с горами и с растущими окрест деревьями. Должно быть, его создатель долго вынашивал свои идеи, а потом аккуратно высаживал растения, заботясь о планировке (есть в нем кустарниковая аллея, скрывающая от глаз сарай, где хранятся дрова), и тщательно ухаживал за ними из года в год, в том числе и суровыми зимами и веснами. Когда я получил во владение старую мельницу — где теперь провожу по несколько месяцев в году, — газон был безупречный. Теперь настал мой черед продолжить труд прежнего владельца, хотя философская дилемма никуда не девается: уважать труд, затраченный создателем сада и садовником, или признать за теми растениями, которые принято называть «сорными», данное им от природы право на выживание?

Я продолжаю удалять ненужные растения и сбрасывать их в кучу, которую со временем ждет огонь. Возможно, я слишком предаюсь раздумьям там, где следует только действовать. И все же каждое движение человека освящено великим смыслом и имеет множество последствий — и это побуждает меня все больше задумываться над своими поступками.

С одной стороны, «сорняки» вправе рассеиваться повсюду. С другой, если их не выдергивать, они станут подавлять мою траву. В Новом Завете Иисус ясно говорит о плевелах, которые не следует смешивать со злаками.

И без ссылки на Библию понятно, что я имею дело с одним из вечных вопросов человечества: до какого предела можно вторгаться в природу? Всегда ли наше вмешательство наносит вред или иногда оно бывает благотворным?

Отбрасываю свое орудие, известное также как мотыга. Каждый удар ею означает чью-то смерть, переход в небытие цветка, который распустился бы следующей весной, самомнение разумного существа, приспособляющегося под себя окружающий ландшафт. Надо обдумать все как следует, потому что речь идет о выборе: убивать или миловать. Газон словно взывает ко мне: «Защити меня! Она меня уничтожит!» Но и сорная трава просит о пощаде: «Я с таким трудом

добиралась до твоего сада — неужели ты убьешь меня?»

В конце концов мне на помощь приходит индийская книга Бхагавадгита. Я вспоминаю об ответе Кришны воину Арджуне, когда тот пал духом перед решающим сражением и, бросив оружие, заявил, что не может драться, зная, что ему суждено убить своего брата. Кришна ответил приблизительно так: «Ты возомнил себе, что способен кого-то убить? Твоя мать — это и моя мать, и все твои поступки уже давно записаны и неотвратимы. Никто не убивает и никто не умирает».

Воодушевленный этим внезапным воспоминанием, поднимаю мотыгу и снова атакую непрошенных гостей моего сада. Этим утром я усвоил важный урок: если в моей душе вырастет сорняк, я буду просить Бога, чтобы Он дал мне силы с такой же решительностью и без всякой жалости уничтожить его.

О стрельбе из лука

Значение повторения одного и того же действия. Действие — это мысль в своем воплощении.

Мельчайшее движение выдает наши мысли. Поэтому нужно совершенствоваться во всем, вникать во все тонкости, освоить технику стрельбы настолько, чтобы она стала интуитивной. Интуиция не имеет ничего общего с рутинной; это состояние духа, которое важнее самого навыка.

С приобретением опыта мы уже не думаем о каждом движении: оно становится частью нашего существования. Но чтобы обрести опыт, нужно тренироваться, повторять.

И не останавливаться на достигнутом: повторять и тренироваться.

Понаблюдайте за кузнецом, когда он трудится. Для непосвященного все совершаемые им удары молотом одинаковы.

Но тот, кому открыта тайна его опыта, понимает, что, поднимая и опуская молот, он каждый раз прикладывает разное усилие. Рука повторяет одно и то же движение, но, по мере приближения молота к наковальне, она на ходу рассчитывает, с какой силой ударить.

Понаблюдайте за ветряной мельницей. Тому, кто видит ее впервые, кажется, будто она всегда вращается с одинаковой скоростью, совершая одно и то же движение.

Но тот, кто разбирается в мельницах, понимает, что их крылья устроены так, чтобы ловить ветер, и меняют положение в зависимости от направления ветра.

Чтобы набить руку, кузнец должен повторять движение молотом тысячи раз. Лопастей мельницы способны развить необходимую скорость лишь после того, как ветер хорошенько раскрутит их и отшлифует зубчатые колеса.

Множество промахов совершит стрелок, пока усвоит, как держать лук, какую принимать стойку, как натягивать тетиву и как ловить глазом цель, тысячи раз повторяя одни и те же движения и не боясь при этом ошибиться.

Пока однажды не поймет, что ему больше не нужно задумываться над своими движениями. С этого момента стрелок срастается со своим луком, предчувствует полет стрелы и ее попадание в цель.

Как наблюдать за полетом стрелы. Стрела — это желание, проецируемое в пространстве.

Выпустив стрелу, лучник теряет власть над ней и может только следить за ее полетом к цели. После этого ему уже нет смысла удерживать напряжение, возникающее при стрельбе.

Лучник следит за летящей стрелой, но сердце его теперь отдыхает, а на лице появляется непроизвольная улыбка.

Если лучник достаточно опытен, если у него выработался необходимый инстинкт, если, готовясь к выстрелу и спуская стрелу, он не теряет изящества и собранности, то в этот момент он ощутит единение со Вселенной и поймет, что его действия были верными и совершенными.

Навык позаботится о том, чтобы руки были готовы, дыхание выверено, а глаза ни на миг не упускали цели. Инстинкт определит идеальный момент для выстрела.

Если кто-нибудь окажется рядом и увидит лучника, который стоит с распростертыми руками, устремив взгляд на стрелу, то подумает, что тот застыл в неподвижности. Но посвященные знают, что сознание стреляющего лучника переходит в иное измерение и пребывает в контакте со всей Вселенной. Оно продолжает напряженно трудиться, усваивая новоприобретенный положительный опыт, исправляя возможные погрешности, одобряя правильные движения, ожидая мгновения, когда цель отзовется на попадание стрелы.

Когда лучник натягивает тетиву, весь мир сосредотачивается для него в его луке. Когда он следит взглядом за полетом стрелы, этот мир захватывает его, обдаёт нежностью и вызывает благостное чувство исполненного долга.

Воину Света, исполнившему свой долг и преобразовавшему желание в действие, нечего больше бояться: он сделал, что должно. Не дал себя сковать страху. И пусть даже стрела не попадет в цель — ему представится для этого новая возможность, потому что он не струсил.

О карандаше

Мальш смотрит, как бабушка пишет письмо, и спрашивает:

— Ты пишешь о том, что происходило с нами? А может, ты пишешь обо мне?

Бабушка перестает писать, улыбается и говорит внуку:

— Ты угадал, я пишу о тебе. Но важнее не то, что я пишу, а то, чем я пишу. Я хотела бы, чтобы ты, когда вырастешь, стал таким, как этот карандаш.

Мальш смотрит на карандаш с любопытством, но не замечает ничего особенного.

— Он точно такой же, как все карандаши, которые я видел!

— Все зависит от того, как смотреть на вещи. Этот карандаш обладает пятью качествами, которые необходимы тебе, если ты хочешь прожить жизнь в ладу со всем миром.

Во-первых: ты можешь быть гением, но никогда не должен забывать о существовании Направляющей Руки. Мы называем эту руку Богом и всегда должны верить себя Его воле.

Во-вторых: чтобы писать, мне приходится время от времени затачивать карандаш. Эта операция немного болезненна для него, но зато после этого карандаш пишет более тонко. Следовательно, умей терпеть боль, помня, что она облагораживает тебя.

В-третьих: если пользоваться карандашом, всегда можно стереть резинкой то, что считаешь ошибочным. Запомни, что исправлять себя — не всегда плохо. Часто это единственный способ удержаться на верном пути.

В-четвертых: в карандаше значение имеет не дерево, из которого он сделан, и не его форма, а графит, находящийся внутри. Поэтому всегда думай о том, что происходит внутри тебя.

И наконец, в-пятых: карандаш всегда оставляет за собой след. Так же и ты оставляешь после себя следы своими поступками, и поэтому обдумывай каждый свой шаг.

Наставления по восхождению на горные вершины

Выберите подходящую горную вершину. При этом не слишком прислушивайтесь к тому, что говорят другие: «та вершина красивее», «на эту легче взбираться». Вы потратите массу энергии и энтузиазма, чтобы достичь цели, поэтому принимайте решение самостоятельно, беря на себя всю ответственность за предприятие.

Разузайте, как к ней подступиться. Часто гору видно издалека. Она кажется прекрасной, манящей, обещающей много интересного. Но вот мы подходим к ней ближе, и оказывается, что ее огибают дороги, между вами и горой вдруг возникает непроходимый лес и там, где на карте все гладко, в действительности требуется преодолеть серьезные препятствия. Поэтому сначала разведайте все подходы, все тропинки, чтобы в один прекрасный день оказаться у подножия горы готовым к ее покорению.

Пообщайтесь с теми, кто уже проделал этот путь. Считайте себя первопроходцем, но все же не пренебрегайте советами тех, кто уже осуществил вашу мечту. Они наверняка могут облегчить вам восхождение, подсказав места, где надежнее крепить веревку, по какой тропинке лучше пробираться и как избежать неприятностей. Да, взбираться предстоит вам самому и успех полностью будет зависеть от вас, но не стоит оставлять без внимания опыт предшественников.

Опасности преодолимы, если их видишь вблизи. Когда вы начинаете восхождение на вершину своей мечты, не забывайте об опасностях, которые вас подстерегают. Разумеется, по пути могут встречаться обрывы, почти не заметные расселины, камни, настолько отшлифованные ветрами, что ноги скользят по ним, словно по льду. Но если вы будете следить за тем, куда поставить ногу, то вовремя заметите опасность и сумеете избежать ее.

Виды меняются, поэтому не спешите. Вы, конечно, должны постоянно помнить о своей цели — достичь вершины. Но по мере восхождения перед вами будет открываться много интересных видов, и вам ничего не стоит задержаться на минутку, чтобы насладиться новой панорамой. С каждым отвоеванным метром вы сможете обозревать все большее и большее пространство. Воспользуйтесь этим, чтобы сделать для себя новые открытия.

Считайтесь с возможностями своего организма. Только тот в состоянии покорить вершину, кто бережно относится к своему телу. В вашем распоряжении все время, отведенное вам до конца жизни, поэтому не требуйте от своего организма того, что ему не по силам. Если будете идти слишком быстро, то скоро устанете и вам придется вернуться с полдороги. Если подъем будет слишком медленным, ночь застанет вас в пути и вы собьетесь с маршрута. Любуясь видами, наслаждайтесь живительной влагой из горных источников и плодами, которыми вас угощает щедрая природа, но не останавливайтесь, продолжайте восхождение.

Не забывайте о душе. Не стоит все время повторять: «Я дойду». Ваша душа и так знает об этом. Дайте ей воспользоваться долгим подъемом, чтобы вырасти, слиться с горизонтом, вознестись к небу. Одержимость никак не поможет достичь цели, зато лишит вас удовольствия от восхождения. Но хотел бы предостеречь вас от другой крайности: если вы будете то и дело повторять: «Это труднее, чем я думал», — сила духа угаснет в вас.

Будьте готовы пройти лишний километр. Путь к вершине всегда оказывается длиннее, чем предполагалось. Не сомневайтесь: в какой-то момент вы увидите очень далеко от себя то, до чего, казалось, было рукой подать. Но если вы с самого начала настроили себя на большее расстояние, это открытие не повергнет вас в уныние.

Достигнув вершины, дайте волю радости. Плачьте, хлопайте в ладони, кричите на все стороны, что вы дошли, дайте ветру (а на вершине всегда дует ветер) прочистить ваши мысли, освежить потные и уставшие ноги, широко раскройте глаза, стряхните пыль со своего сердца.

Какая радость! То, что раньше было всего лишь мечтой, призрачным видением, вошло в вашу жизнь. Вы дошли!

Дайте обет. Воспользуйтесь тем, что вы открыли в себе силу, о которой даже не подозревали, и обещайте не расставаться с ней до конца своих дней. Неплохо бы также дать обет покорить еще одну вершину и отправиться на поиски новых приключений.

Расскажите другим о своем восхождении. Да, расскажите о нем. Послужите примером для других. Пусть все знают, что это возможно. Пусть и другие наберутся смелости, для того чтобы покорить свои собственные вершины.

Как важно иметь диплом

Моя старая мельница в небольшом селении в Пиренеях отделена от соседней фермы рядом деревьев. Оттуда однажды вышел ко мне сосед. До этого я часто наблюдал его вместе с женой в поле и каждый раз думал, что в их возрасте — а на вид им было около семидесяти — пора бы уже и отдыхать.

Старик, казавшийся мне до этого весьма симпатичным, стал жаловаться на то, что сухая листва с моих деревьев падает на крышу его дома, и потребовал спилить их.

Я был поражен: человек, всю жизнь проживший в гармонии с природой, хочет, чтобы я уничтожил с таким трудом выращенные деревья только потому, что лет через десять с его кровлей может возникнуть какая-то проблема.

Я приглашаю его на чашечку кофе. Говорю, что если сухие листья, сносимые ветром на его крышу, причинят ей малейший вред, то я за свой счет заменю ему всю кровлю. Сосед отвечает, что это его не устраивает, и настаивает, чтобы я спилил деревья. Я начинаю злиться: говорю, что предпочел бы купить его ферму.

— Моя земля не продается, — возражает он.

— Но за те деньги, что я готов предложить вам, вы сможете купить прекрасный дом в городе и еще достойно существовать на них вместе с женой до конца своих дней, не думая, как пережить очередную суровую зиму, и не пребывая в вечных заботах об урожае.

— Моя ферма не продается. Я здесь родился, вырос, и вообще я слишком стар для переездов.

Он предлагает вызвать из города эксперта по имущественным спорам, чтобы тот разобрался в ситуации и принял решение, и добавляет, что не стоит злиться друг на друга, как-никак мы соседи.

Когда он уходит, первый мой порыв — обвинить его в бесчувственности и безразличии к матери-земле. Но потом я начинаю задумываться: а почему, собственно, он не захотел продать землю? И вскоре нахожу ответ: жизнь моего соседа имеет только одну историю, которую он не желает менять. Переехать в город означало бы для него погрузиться в совершенно незнакомый мир, с другими ценностями, которые он, вероятно, уже не надеется усвоить в таком возрасте.

Это особенность характера только моего соседа? Отнюдь. Я думаю, что таковы все люди. Мы часто так привязываемся к своему образу жизни, что готовы отвергнуть превосходный шанс, потому что не умеем воспользоваться им. Что касается соседа, то его ферма и селение — единственные знакомые ему места, и покинуть их значит для него подвергнуть себя риску. Жители городов полагают, что надо иметь диплом о высшем образовании, вступить в брак, воспитать детей, позаботиться о том, чтобы у них тоже были дипломы об окончании университета, и так далее. Никто не задается вопросом: «А можно ли жить по-другому?»

Вспоминается парикмахер, трудившийся день и ночь, ради того чтобы его дочь смогла выучиться на социолога. Она сумела окончить университет и после долгих поисков работы устроилась секретаршей на фирме, производящей цемент. Но даже и после этого парикмахер с гордостью повторял: «Моя дочь имеет диплом социолога».

Большинство моих знакомых и детей моих знакомых тоже имеют дипломы. Это не значит, что они теперь работают по специальности, — совсем наоборот: они поступили в один из университетов и окончили его лишь потому, что в то время учеба в университете считалась престижной и кто-то внушил им, будто прилично устроиться в жизни без диплома невозможно. В результате не стало хороших садовников, булочников, антикваров, скульпторов, писателей. Может, пришло время немного пересмотреть наше отношение к дипломам?

Медики, инженеры, ученые, юристы должны окончить курс в университете, но так ли необходимо всем поголовно стремиться к высшему образованию? Вместо ответа приведу отрывок из стихотворения Роберта Фроста:

Передо мной открылись две дороги.
Я выбрал ту, что поросла травой.
И в этом было все ее отличие.

P. S. Чтобы закончить историю с моим соседом, сообщаю: эксперт явился и показал мне французский закон, обязывающий сажать каждое дерево на расстоянии не ближе трех метров от соседнего владения. Мои деревья находились в двух метрах. Мне пришлось спилить их.

В одной из токийских пивнушек

Японский журналист задает мне традиционный вопрос:

— Кто ваши любимые писатели?

Я даю ему свой традиционный ответ:

— Жоржи Амаду, Хорхе Луис Борхес, Уильям Блейк и Генри Миллер.

Переводчица смотрит на меня изумленно:

— Генри Миллер?

Но тут же вспоминает о том, что задавать вопросы — не ее дело, и продолжает переводить. После интервью интересуюсь, почему ее так удивил мой ответ. Говорю, что, возможно, Генри Миллера трудно назвать «политически корректным» писателем, но именно он был одним из тех, кто открыл мне гигантский мир: в его книгах заключена такая мощная жизненная энергия, какую редко встретишь в произведениях современных литераторов.

— Я ничего не имею против Генри Миллера. Наоборот, я сама его поклонница, — отвечает она. — Вы знаете, что он был женат на японке?

Знаю, конечно. Я не стыжусь быть поклонником кого бы то ни было и всегда стараюсь узнать как можно больше о жизни своего кумира. Когда-то я отправился на книжную ярмарку только ради того, чтобы познакомиться с Жоржи Амаду. Проехал сорок восемь часов на автобусе, чтобы встретиться с Хорхе Луисом Борхесом (и, в конце концов, съездил напрасно, в чем сам виноват: когда я увидел его, меня буквально парализовало и я не смог произнести ни слова). Звонил в дверь нью-йоркской квартиры Джона Леннона (портье попросил оставить визитную карточку, указав цель визита, и сказал, что, возможно, Джон Леннон мне позвонит, — чего я так и не дождался). Готовился посетить Биг-Сур, чтобы увидеть Генри Миллера, но он умер раньше, чем мне удалось собрать деньги на дорогу.

— Японку зовут Хоки, — отвечаю с гордостью. — Мне также известно, что в Токио есть музей, где демонстрируются акварели Миллера.

— Хотите познакомиться с ней сегодня вечером?

Что за вопрос! Разумеется, я хотел бы побыть рядом с той, кто был близок моему идолу. Правда, к ней, наверное, едут со всего света, и журналисты, небось, осаждают ее — как-никак они прожили вместе почти десять лет. Удобно ли просить ее о встрече простому смертному? Но переводчица утверждает, что удобно, и я верю ей: японцы слов на ветер не бросают.

С нетерпением жду вечера. Наконец мы садимся в такси, и после этого начинают происходить удивительные вещи. Мы останавливаемся на улице, куда не заглядывает солнце, так как прямо над ней проходит путепровод. Переводчица указывает на пивнушку, расположенную на втором этаже покосившегося от ветхости здания.

Поднимаемся по лестнице и попадаем в помещение, где нет ни одного посетителя и где мы видим Хоки Миллер.

Чтобы скрыть смущение, я начинаю слишком эмоционально превозносить ее бывшего мужа. Она ведет меня в одну из дальних комнат, где выставлена небольшая экспозиция: несколько фотографий, две или три подписанные акварели, книга с автографом — и больше ничего. Она рассказывает, как познакомилась с ним, когда училась в лос-анджелесском университете. Она вынуждена была подрабатывать игрой на пианино в одном из ресторанов, исполняя французские песни на японском языке. Миллер приходил туда ужинать, ему очень нравились песни (он прожил в Париже большую часть своей жизни), несколько раз он провожал ее, а потом попросил руки.

Замечаю в пивнушке пианино: оно стоит как напоминание о тех днях, когда они

познакомились. Она рассказывает мне восхитительные истории из их совместной жизни, упоминает о проблемах, возникавших из-за разницы в возрасте (Миллеру было за пятьдесят, а Хоки не исполнилось и двадцати), вспоминает о времени, проведенном вдвоем. Говорит, что все его имущество, в том числе авторские права на книги, досталось наследникам от других браков, но это для нее не имеет значения: счастье, которое она испытала с ним, не измеришь деньгами.

Я прошу ее сыграть ту же мелодию, которая понравилась Миллеру много лет назад. Она садится за пианино и поет «Мертвые листья» («Feuilles Mortes»), при этом глаза ее наполняются слезами.

Мы с переводчицей тоже не в силах сдержать чувств.

Пивная, пианино, отражающийся от голых стен голос японки, равнодушной к славе бывших жен Миллера, к большим деньгам, которые издатели платят за переиздания его книг, к мировой известности, которой она могла бы пользоваться сейчас.

«Ради чего добиваться наследства? Мне хватило любви», — говорит она под конец, угадывая наши мысли. В ее голосе нет ни нотки горечи или озлобления, и мне нетрудно поверить: ей хватило любви.

О значении простого взгляда

Вначале Тео Виерема просто был настойчив. В течение пяти лет он посылал на адрес моего офиса в Барселоне приглашения выступить с лекцией в Гааге, городе в Голландии.

И в течение пяти лет из моего офиса неизменно отвечали ему, что у меня нет для этого свободного времени. На самом деле не так чтоб у меня совсем его не было: просто писатель не обязательно бывает хорошим оратором. Кроме того, все, что я хочу сказать, я излагаю в своих книгах и на колонках газет, которые веду, — вот почему я всегда стараюсь избегать публичных выступлений.

Однажды Тео узнал, что я собираюсь записывать программу для одного из голландских телевизионных каналов. Когда я прибыл на съемки, он уже ждал меня в холле гостиницы. Представился и попросил разрешения проводить меня, сказав:

— Дело не в том, что я не могу смириться с отказом. Но я считаю, что в этом случае всего лишь шел к цели неверным путем.

Да, за свою мечту надо бороться, но надо также понимать, что, если достичь желаемого невозможно, лучше сохранить энергию для других важных начинаний. Я мог бы ответить ему «нет» (ведь я уже не раз произносил и слышал от других это слово), но решил действовать более дипломатично, поставив ему невыполнимые условия.

Я сказал, что готов выступить бесплатно, если билет для зрителей будет стоить не больше двух евро, а в зале будут находиться не более двухсот человек.

Тео согласился.

— Но вы же потратите больше, чем заработаете, — заметил я. — По моим подсчетам, только билет на самолет и оплата моего проживания в гостинице обойдутся вам втрое дороже, чем вы сможете выручить, даже если зал будет полон. Но вам ведь еще придется потратиться на афиши и объявления, аренду зала...

Тео перебил меня, заявив, что все это не имеет для него значения, ибо им движет исключительно профессиональный интерес.

— Я организую подобные мероприятия, чтобы не утратить веру в стремление человека жить в лучшем мире. Я считаю своим долгом способствовать достижению этой цели.

— Какова же ваша профессия?

— Я продаю церкви.

И добавил, к моему вящему удивлению:

— Я уполномочен Ватиканом отбирать покупателей, поскольку в Голландии церквей больше, чем верующих. У нас был печальный опыт, когда святые места превращались после продажи в ночные клубы, доходные дома, бутики и даже в секс-шопы, и это заставило нас изменить подход к делу. Теперь проект переоборудования церкви должен быть одобрен местной общественностью, а покупатель берет определенные обязательства. Обычно мы принимаем только те предложения, которые предусматривают создание культурного центра, благотворительной организации или музея. Не понимаете, при чем тут ваше выступление и другие выступления, которые я пытаюсь организовать? Дело в том, что люди перестали собираться вместе. А если люди не встречаются, то они не способны двигаться вперед.

Пристально посмотрев на меня, он заключил:

— Надо встречаться. Моя ошибка в случае с вами заключалась в том, что я отправлял вам электронные сообщения, вместо того чтобы явиться к вам собственной персоной и дать вам возможность убедиться, что я человек из плоти и крови. Однажды, не получив ответа на свое письмо от некоего политика, я пошел к нему на прием, и он сказал мне: если вы хотите что-

нибудь получить, сначала покажите свои глаза. С тех пор я только так и поступаю, и мне всегда сопутствует успех. Мы можем иметь самые современные средства коммуникации, но ничто, абсолютно ничто не способно заменить простого человеческого взгляда.

Само собой, я принял его предложение.

P. S. Когда я приехал в Гаагу для выступления, то попросил показать мне некоторые церкви, выставленные на продажу. Я думал о своей жене — художнице, всегда мечтавшей открыть собственный культурный центр. Поинтересовавшись ценой одной из церквей, вмещавшей но время воскресных служб до пятисот верующих, я услышал в ответ: 1 (ОДИН!) евро. Впрочем, расходы на ее содержание вполне могли оказаться запредельными.

Чингисхан и его сокол

Во время недавнего посещения Казахстана, страны в Центральной Азии, мне представилась возможность понаблюдать за охотой с соколами. Не стану вдаваться здесь в рассуждения относительно оправданности употребления в данном случае слова «охота». Замечу лишь, что в этом действе совершается один из природных циклов.

Я был без переводчика, но то, что в иной ситуации могло стать проблемой, оказалось благом. Лишенный возможности общения, я больше обращал внимание на действия. Сначала свита охотника остановилась, сам он отделился от нее, снял колпачок с головы птицы. Я не знал, почему он остановился именно в том месте, и некого было спросить.

Сокол взлетел, описал несколько кругов в воздухе и вдруг выверенным нырком устремился к оврагу и исчез в нем. Приблизившись, мы заметили, что он держит в лапах лисицу. Потом сцена повторилась еще раз.

На обратном пути я встретился с моими знакомыми, уже поджидавшими меня, и смог наконец задать вопрос, каким образом удастся приручить сокола и заставить его делать все то, что я видел, в частности покорно сидеть на руке хозяина (и даже на моей руке, на которую его посадили, предварительно повязав кожаные манжеты — благодаря этому я смог увидеть вблизи его острые когти).

Внятного ответа я так и не получил. Все только повторяли, что это искусство передается из поколения в поколение, отец учит сына, тот, в свою очередь, учит своего сына и так далее. Но навсегда останется в памяти напечатленная сетчаткой моих глаз удивительная картина: на фоне заснеженных гор силуэт лошади и всадника, взлетающий с его руки сокол и выверенный нырок в цель.

А еще запомнится легенда, которую рассказал мне потом за обедом один из сопровождающих.

Однажды утром монгольский завоеватель Чингисхан со своей свитой отправился на охоту. Его спутники вооружились луками и стрелами, а сам он держал на руке любимого сокола. С ним не мог сравниться никакой стрелок, потому что птица выглядела жертву с неба, куда человек не способен подняться.

И все же, несмотря на азарт, овладевший охотниками, никто из них так ничего и не добыл. Разочарованный Чингисхан возвращался в свой лагерь, и, чтобы не вымещать дурное настроение на своих товарищах, он удалился от свиты и поехал один.

Они слишком задержались в лесу, и Чингисхан изнемогал от усталости и от жажды. Из-за засухи, случившейся в том году, речки пересохли, и нигде нельзя было найти ни глотка воды, но вдруг — о чудо! — он заметил тоненькую струйку воды, стекающую со скалы.

Тотчас же он снял с руки сокола, достал небольшую серебряную чашу, всегда находившуюся при нем, подставил ее под струйку и долго ждал, пока она наполнится до краев. Но когда он уже подносил чашу к губам, сокол взмахнул крыльями и выбил ее, отбросив далеко в сторону.

Чингисхан пришел в ярость. Но все же он очень любил этого сокола и к тому же понимал, что птицу тоже, наверное, мучает жажда. Он поднял чашу, вытер ее и снова подставил под струйку. Не успела она наполниться и наполовину, как сокол опять выбил ее из руки.

Чингисхан обожал птицу, но он никак не мог допустить столь непочтительного отношения к себе. Кто-нибудь мог стать свидетелем этой сцены, а потом рассказать его воинам, что великий завоеватель оказался не способен проучить какую-то птицу.

Он извлек меч, а другой рукой поднял чашу и подставил ее под струйку, одним глазом следя за водой, а другим — за соколом. Когда воды набралось достаточно, чтобы утолить жажду, сокол

снова взмахнул крыльями, задев ими чашу, но на этот раз Чингисхан точным ударом меча рассек ему грудь.

И тут струйка иссякла. Полный решимости во что бы то ни стало добраться до источника, Чингисхан стал взбираться на скалу. Он обнаружил его на удивление быстро, но в нем, прямо в воде, лежала мертвая змея — самая ядовитая из всех обитающих в тех местах змей. Если бы он выпил воды, не быть бы ему в живых,

Чингисхан вернулся в лагерь с мертвым соколом в руках и приказал изготовить его изваяние из чистого золота, выгравировав на одном крыле:

«Даже когда твой друг совершает поступки, которые тебе не по душе, он остается твоим другом».

На другом же крыле он распорядился написать:

«То, что делается в ярости, не ведет к добру».

Подсматривая за чужим садом

«Предложи глупцу на выбор тысячу разных умных голов, он будет хотеть только твою», — говорит арабская пословица. Мы начали растить сад своей жизни и, оглядевшись, увидели соседа, пристально наблюдавшего за нами из-за кустов. Сам он не способен ничего создать, но любит судачить о том, как мы сеем свои поступки, выращиваем наши мысли, подкармливаем успехи.

Если мы будем придавать значение всему, что он говорит, то окажется, что мы работаем ради него, и сад нашей жизни станет его идеей. Мы забудем о том, сколько пота пролили, обрабатывая почву, сколько души отдали, чтобы удобрить ее. Мы забудем, что каждый сантиметр земли имеет свои тайны, которые только терпеливая рука садовника способна раскрыть. Мы больше не будем следить за солнцем, ждать дождя и перестанем замечать смену времен года — чтобы думать только об одном: о тех глазах, которые выслеживают нас из-за укрытия.

Глупец, который любит судачить о чужом саде, не способен ухаживать за своим.

Ящик Пандоры

За одно утро я получил три весточки с разных континентов. Первая — электронное письмо от журналиста Лауро Жардина с просьбой подтвердить некоторые сведения, изложенные в одной заметке обо мне, и с рассказом о том, что случилось в Росинье, штат Рио-де-Жанейро. Вторая — телефонный звонок от жены, только что вернувшейся во Францию: она показывала Бразилию нашим друзьям — одной французской чете, и они остались напуганными и разочарованными увиденным. И наконец, третья — от журналиста, который должен взять у меня интервью для российского телевидения. Он спрашивает, правда ли, что в моей стране за последние двадцать лет погибли от рук преступников более полумиллиона человек?

«Конечно, неправда», — отвечаю.

«Но вот же цифры!» — Он ссылается на данные «некоего бразильского института» (на самом деле, Национального центра географии и статистики Бразилии).

Мне нечего сказать. Насилие в моей стране столь велико, что о нем знают за океанами, за горами и даже в Центральной Азии. Что по этому поводу сказать?

Сказать недостаточно, потому что слова, которые не превращаются в действие, «насылают чуму», как писал Уильям Блейк. Я пытаюсь делать то, что в моих силах: создал вместе с двумя настоящими подвижницами, Изабеллой и Иоландой Малтаролли, школу, в которой учатся, окруженные лаской и любовью, триста шестьдесят детей из фавел района Паван-Паванзиньо. Я знаю, что тысячи бразильцев делают еще больше, не создавая из этого рекламу, не получая помощи ни от государства, ни от предпринимателей, ради того только, чтобы не дать победить себя худшему из врагов — отчаянию.

В какой-то момент своей жизни я пришел к выводу, что ситуация изменится, если каждый станет исполнять свой долг. Но этой ночью, глядя на заснеженные горы на границе с Китаем, я испытал сомнения в его справедливости. Наверное, все-таки права пословица, которую я знаю с детства: «Сила не слышит правды».

Снова гляжу на горы, освещенные лунным светом. Неужели и впрямь никакими доводами не пронять грубую силу? Как и все бразильцы, я пробовал, стремился, заставлял себя поверить в то, что однажды жизнь в моей стране станет лучше, но с каждым годом положение только усугублялось, никак не завися ни от действий правительства или партий, ни от экономических программ, ни от отсутствия таковых.

Насилие существует повсюду. Помню, однажды в Ливане, вскоре после опустошительной войны, я прохаживался со знакомой, Соулой Саад, по превращенным в руины улицам Бейрута. Она мне рассказывала, что ее город уже разрушался до этого семь раз. Я спросил как бы и шутку, почему каждый раз город восстанавливали, вместо того чтобы перенести его на новое место. «Потому что это наш город, — ответила она. — Потому что тот, кто не испытывает почтения к земле, где захоронены его предки, будет проклят навеки».

Человек, не имеющий почтения к своей земле, не уважает самого себя. В каком-то греческом мифе классического, или олимпийского, периода один из богов, пришедший в ярость, из-за того что Прометей украл огонь, чтобы помочь человеку обрести независимость, посылает на землю Пандору соблазнить его брата, Эпиметеуса. У Пандоры был при себе ящик, который ей не дозволено было открывать, но, как и Ева в христианских мифах, она оказалась слишком любопытной и приподняла крышку, чтобы заглянуть внутрь. В этот момент все пороки и несчастья вылетели оттуда и разлетелись по свету.

И только Надежда осталась внутри.

А потому, несмотря на все контраргументы, на уныние и чувство бессилия, несмотря на

мою убежденность и том, что ничего не изменится к лучшему, я не могу отречься от единственного, что поддерживает во мне волю к жизни, — от надежды. Для псевдоинтеллектуалов это слово всегда являлось предметом насмешек и было почти равнозначным слову «обман». Это слово затаскано политиками, которые обещают то, чего они заведомо не собираются выполнять, и тем самым ранят сердца людей. С этим словом на устах мы часто просыпаемся утром, но потом оно подвергается истязаниям в течение дня и умирает к ночи, чтобы с утренней зарей снова ожить.

Да, есть такая пословица: «Сила не слышит правды».

Но есть и другая поговорка: «Пока дышу — надеюсь». Глядя на заснеженные горы на границе с Китаем, я больше верю последней.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Купить книгу](#)